

Модель воспроизводства социальных сценариев в системе взаимодействия языка с социальной культурой

Д.Н. Иванова, Е.Н. Донченко

Южный федеральный университет

Аннотация: В данной статье предпринята попытка предъявить авторскую модель воспроизводства социальных сценариев через призму взаимодействия языка с социальной культурой, кроме того дано веское обоснование практической ценности данной модели, которая может служить методическим ключом к раскодированию целых блоков восприятия социального пространства. Такой подход может свидетельствовать об открытии новых модусов в осмыслении социальной действительности. Хотя интерпретация фактов языка характеризуется методологическими трудностями, такое видение может помочь выявить на эмпирическом уровне сдвиги в социокультурной сфере, а также проследить динамику социальных сценариев восприятия действительности различными категориями населения.

Ключевые слова: социальный сценарий, смысловое воспроизводство, язык, языковая ситуация, сценарные установки, социальная культура, языковое моделирование, социальный мир, конвенциональность, языковая ситуация.

Особенности современного состояния языковой ситуации в России состоит в том, что большинство изменений в языке сопряжено с социально-культурными и политическими сдвигами. Как следствие, такая особенность языковой ситуации дает в распоряжение исследователя уникальные возможности для выявления и описания процессов и факторов, влияющих на воспроизводство и жизнеспособность социальных сценариев восприятия реальности через призму взаимодействия языка с социальной культурой.

Суть проблемы, представленной в данной статье, заключается в изучении закономерностей смыслового воспроизводства, манифестируемых фактах языка и репрезентированных в предложенной авторами модели формирования социальных сценариев. Такой подход может служить методологическим ключом к раскодированию целых блоков восприятия социального пространства в поле языка и социальной культуры.

Язык и социальная культура всегда рассматривались как партнеры по коммуникациям, где элементы культуры могут саморепрезентироваться в фактах языка. При этом все элементы этой структуры сохраняют

относительную самостоятельность, коррелируя в то же время с другими компонентами этой системы. Любое изменение одного из компонентов, как правило, приводит к трансформации всего комплекса. Эти изменения в свою очередь могут в прямой или косвенной форме привести к языковым трансформациям, а эти вторичные изменения оказывают влияние на социальный объект посредством обратной связи. Таким образом, перед нами предстает форма нелинейной причинной зависимости. Как мы знаем, процессы воспроизводства элементов социальной культуры (идеалов, норм, ценностных ориентаций) протекают в обществе и скорость их трансформация значительно превосходит естественный темп смены поколений.

Культурный мозаичный конгломерат видится современному исследователю как хаос, репрезентированный в виде неупорядоченных фрагментов. Язык выступает как одна из клеточек живого социума, которая относительно легко поддается рационализации. Лингвистическое видение разнообразных явлений реальности делает их пригодными для изучения. Особенностью динамической лингвистической системы является то, что в ней объединены фрагменты настоящего, прошлого и будущего, то есть отрефлексирована тенденция к будущему развитию. В языке ничего никогда не исчезает. Старые элементы в нем видоизменяются, но при этом никогда не исчезают без следа. Язык, следовательно, выступает как накопитель разного рода культурных и социальных традиций, давая богатый эмпирический материал практически для всех явлений действительности, даже тех, которые кажутся далекими от языка.

Важная роль языка в рефлексии явлений социальной культуры признавалась М. Фуко, Ю. Хабермасом, Э. Кассирером, Р. Бартом, У. Эко, Ж. Лаканом, В. Гумбольдтом и другими учеными.

В XX века в науке доминировало представление о том, что социальный мир значений, репрезентированных в фактах языка, выступает не только средством передачи информации о социальных фактах, но и средством их воспроизводства. Тезис о том, что человек находится в плену этих значений, прослеживается в трудах многих перечисленных исследователей.

Ученые, которые исследуют в своих работах взаимодействие языкового и социокультурного пространств, как правило, стараются предать онтологической картине связность, относясь к языку как к области, в которой возможно столкновение любых познавательных феноменов. Ю Хабермас выразил эту мысль следующим образом: «Я сумел провести критическую теорию общества через нечто подобное лингвистическому повороту» [1].

Авторы семиотического направления в лингвистике были одержимы идеей воссоздания абсолютного сверхпрозрачного дискурса, который обладает способностью к интерпретации внеязыковой реальности. Ч. Пирс выразил эту идею следующим образом: «Знак есть то, что заменяет для кого-то что-то в каком-либо плане или в каком-либо качестве» [2].

В этом определении знака выделено его важнейшая функция – функция замещения социальной действительности. Природа символа основывается на установленной на конвенциональности в отношении означаемого и означающего, и анализ языкового символа оптимален в том случае, когда социальный мир видится как «единое культурное смысловое поле, взаимопересекаемое, как гладь воды волнами, значениями и интерпретациями» [3]. Индивидуальный разум предстает как место встречи и пересечение этих значений.

В данном случае язык выполняет одну из своих самых важных функций – моделирование социальной реальности. Она регламентируется негласной конвенцией, манифестируемой в социальном опыте. Конвенция позволяет знаком и символом войти в интеракцию через язык, а носителем

языковой культуры конвенция обеспечивает выпуск в социум. Конвенциональность обеспечивает работу социальных действий и может быть рассмотрена как оперативная модель, через которую социум может контролироваться. Символические значения, которые неизменно находят отражение в языке, позволяют исследователю изучить сознание. У Э. Кассирера способность к символической репрезентации содержательных категорий составляет уникальное свойство человека. И в центре его внимания лежит «homo symbolicus» [4].

В символической концепции Р. Барта культура представлена как универсальная система символов. Он также считал, что «символическое поле обладает единством, и культура во всех аспектах представляет собой язык» [5].

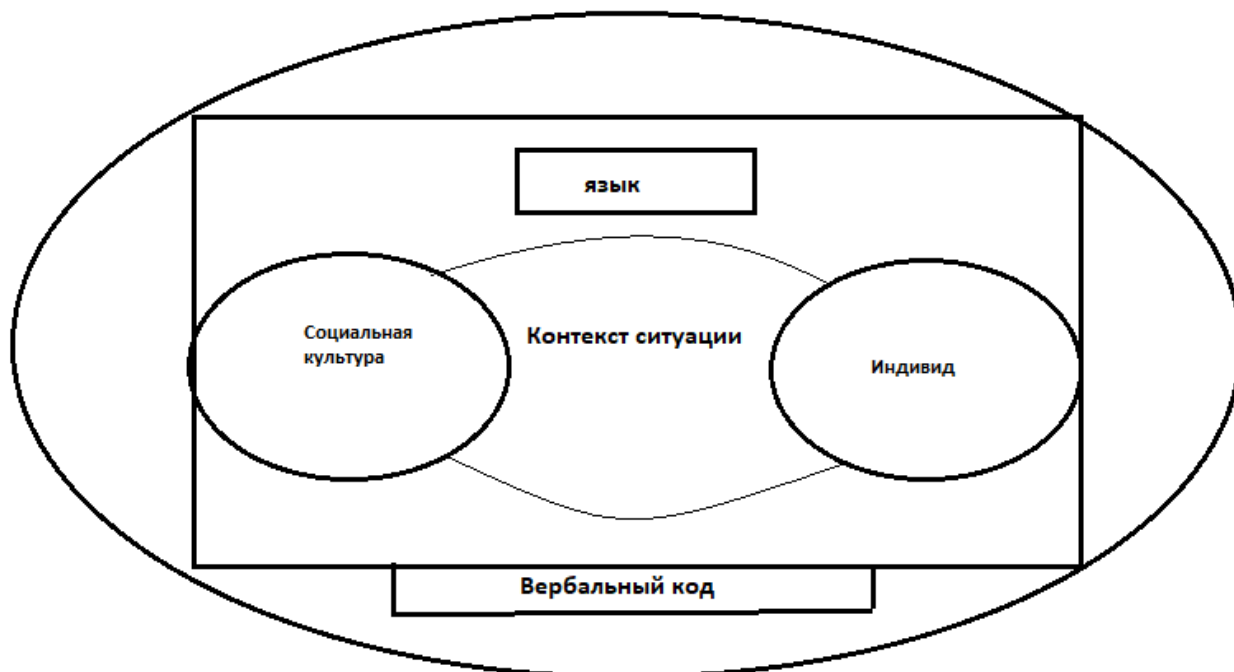
Лингвистическая интерпретация социального и культурных пространств в символической концепции, как правило, рассматривается в виде ценностно-знаковых значений. Ученые, работающие в данном направлении, фокусируются на значимости языка для социальных действий, конституирующих культурные основы идентичности. Современный социум в символической концепции представлен множеством социальных миров, каждый из которых предполагает существование общей социальной культуры. Роль языка сводится к упорядочиванию этих социальных миров, предоставляя информацию об идентичности.

Те исследования, которые проводились в области семиологии, убедительно доказали, что языковые факты могут конструировать внеязыковую реальность. Они также оказывают влияние на восприятие объектов и явлений. А. Гидденс выразил эту мысль следующим образом: «Язык воплощается в конкретной повседневной деятельности и в определенном смысле конституирует эту деятельность» [6].

В нашей авторской концепции субъект может постичь все продукты социальной культуры через язык. И таким образом, факты языка предстают как центр пересечения субъектных и объектных отношений. Эти отношения можно исследовать в виде моделируемых сценариев комплексных действий, в которых язык играет существенную роль. В связи с этим, нам представляется, что социокультурные явления можно адекватно проанализировать с помощью социальных сценариев, представленных в виде модели, согласно которой развивается динамический процесс восприятия социокультурного пространства в системе взаимодействия языка с социальной культурой.

Нельзя забывать, что социально-культурное пространство, в котором мы находимся сегодня, постоянно требует от человека своего рода импровизации и адаптации к нему. Исследуя в определенном социальном континиуме лингвистическую проблему моделирования лингвокультурных соответствий оценочного характера, мы решили применить понятие сценария. В нашем понимании сценарий задает направленное смысловое русло, в котором обыгрывается языковое действие субъекта. Сценарии, таким образом, видятся как инвариант, предопределяющих ту или иную интенциональную драматургию действия. Так как современная социокультурная ситуация характеризуется многофакторностью и многоуровневостью, нельзя забывать о множественности разыгрываемых сценариев, механизмы функционирования которых отражены на представленном рисунке 1.

Рис. 1. Модель воспроизводства социальных сценариев

Как видно из данного рисунка, изменчивость сценария predetermined теми факторами, которые влияют на контекст ситуации. На нашей модели социальный сценарий манифестирован как своего рода экран, на который проецируется интенции субъектов и объектов социальной культуры. Именно опираясь на анализ этих факторов, социальные сценарии языковой интерпретации социальной реальности имеют конкретные временные параметры действия [7]. Представив социальный сценарий в виде динамической интерпретационной модели, мы хотим обратить внимание на его ценностные характеристики.

Так как язык активно моделирует социокультурное пространство [8], трансформируя и фильтруя общество, роль фактов языка в воспроизводстве социальных сценариев мы определяем как их поставщика. Именно в области

языка накапливаются все объективированные и субъективно-реальные значения.

Особенностью современной языковой ситуации в нашей стране является то, что изменения в вербальном пространстве прежде всего сопряжены с изменениями в социально-культурной сфере. Представленная авторами модель дает в распоряжение ученым богатые возможности выявления и описания факторов и процессов, влияющих на воспроизводство социальных сценариев через изменения в языке [9].

По нашему мнению, главными факторами, предопределяющими эти изменения в языковом поле, выступают следующие:

- Российское общество сегодня – это общество, в котором реализуются принципы политической свободы.
- С другой стороны, сдерживаемая ранее тоталитарным государством активность членов общества привела не только к активности деловой и политической, но и к выбросу агрессивности, грубости, вызывающего неконтролируемое поведение [10].
- Получило распространение волонтаристское речетворчество, так как многие фирмы и компании выбирают в качестве названий и обозначений товаров языковые единицы, неудачные как в лексическом, так и в фоносемантическом отношении [11].
- Поляризация российского общества привела к увеличению единиц оценочной лексики в языковом поле. Причем для современного социума характерна внутриязыковая оценочная антонимия, то есть когда одни и те же факты языка оцениваются как диаметрально противоположные разными субъектами [12].

Обобщая основные тенденции реализации социальных сценариев воспроизводства реальности через изучение взаимодействия языка и социальной культуры, мы пришли к следующим выводам.

В российском обществе происходит смена коммуникативной парадигмы, которая проявляется прежде всего в диалогизации общения. Последняя манифестирована в увеличении удельного веса диалога во всех сферах жизни, расширении функции диалогической речи, а также генерирования новых видов и форм диалога.

Также заметным следствием смены коммуникативной парадигмы можно считать персонификацию общения, которая проявляется в увеличении индивидуальной неповторимости личностного вербального кода, формировании сходных идей и мыслей различными фактами языка.

Обозначенные нами выше процессы оказывают воздействие на формирование социальных сценариев в системе взаимодействия языка и социальной культуры. Характеризуя языковую систему с этой точки зрения можно констатировать, что она переживает существенные качественные, количественные и функциональные сдвиги, которые однако нельзя назвать революционными, поскольку данная система сохраняет системную структурную целостность, внутреннюю идентичность и устойчивый характер функционирования в целом.

Литература

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.
2. Ch.S. Peirce Collected papers of Ch.S. Peirce. Vol. 2. Elements of Logic – Cambridge, 1960, p. 135.
3. Harland R. Superstructuralizm. London, 1987, p. 61.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с. (Книга света).
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, Поэтика / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

6. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley; Los Angeles, 1984. 417 p.
7. Будина Е.В., Третьякова В.С. Речевое поведение учителя с установкой на конфликт // Проблемы лингвистического образования школьников: материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2000. С. 175.
8. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
10. Fiske, J. Reading the Popular. London: Unwin Hyman Ltd, 1989. 216 p.
11. Crystal D. The English Language/D. Crystal. – London: Penguin Books Ltd, 2002. 312 p.
12. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics, Jonathan Webster (ed.), Continuum International Publishing, 2003. 218 p.

Reference

1. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. M., 2003. 416 p.
2. Ch.S. Peirce Collected papers of Ch.S. Peirce. Vol. 2. Elements of Logic – Cambridge, 1960, pp. 135.
3. Harland R. Superstructuralizm. London, 1987, pp. 61.

4. Kasserer Jernst Filosofija simvolicheskikh form [The philosophy of symbolic forms]. Tom 1. Jazyk. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2002. 272 p. (Kniga sveta).
5. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika, Pojetika [Selected Works: Semiotics, Poetics] Per. s fr. Sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva: Progress, 1989. 616 p.
6. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley; Los Angeles, 1984. 417 p.
7. Budina E.V., Tret'jakova V.S. Rechevoe povedenie uchitelja s ustanovkoj na konflikt Problemy lingvisticheskogo obrazovanija shkol'nikov: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg, 2000. pp. 175.
8. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
10. Fiske, J. Reading the Popular. London: Unwin Hyman Ltd, 1989. 216 p.
11. Crystal D. The English Language D. Crystal. London: Penguin Books Ltd, 2002. 312 p.
12. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics, Jonathan Webster (ed.), Continuum International Publishing, 2003. 218 p.